

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ СОЗДАНИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Проблема становления реализма в творчестве Пушкина включает чрезвычайно широкий круг вопросов идейного и художественного порядка. Одним из них является вопрос об эволюции мастерства построения характера в произведениях поэта периода перехода к новому художественному методу.

Романтизм был важной ступенью в развитии творческих принципов реализма, в его недрах начинает складываться новая система художественного мышления. Процесс этот продолжается и в рамках романа «Евгений Онегин», но мы проследим формирование реалистической концепции характера, сопоставляя манеру создания образа в поэмах и в романе. Различие жанров не может не сказаться на особенностях построения характера, тем не менее в разных по жанру произведениях явственно отразилось развитие основных принципов художественного воплощения жизненного типа в творчестве Пушкина.

Южные поэмы и «Евгений Онегин» — образцы разных творческих методов, хотя и в романе, и в поэмах автор сгавил

¹ Проблема характера в связи со становлением реализма в творчестве Пушкина затронута в работах Н. Пиксанова (Из анализов «Онегина» — «Пушкин и его современники», вып. 38—39, Л., 1930), И. Виноградова (Путь Пушкина к реализму — «Литературное наследство», т. 16—18, 1934), Д. Благого (Развитие реализма в творчестве Пушкина — «Литературная учеба», 1935, № 1), А. Цейтлина (Характеры Пушкина — «Литературная учеба», 1937, № 1), Г. Поспелова («Евгений Онегин» как реалистический роман — Пушкин. Сборник статей. Гослитиздат, М., 1941), Г. Гуковского (Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957) и др.

одну задачу — изобразить своего современника. Сопоставление романтической и реалистической трактовок одного и того же социального типа дает возможность наполнить конкретным содержанием теоретическое утверждение, что творческое развитие основоположника русского реализма шло путем преодоления слабых и развития сильных сторон романтизма.

Метод построения характера в романтических поэмах уже в середине 20-х годов вызывает критическое отношение у Пушкина. В 1825 году в письме к Н. Раевскому он отрицательно отозвался об односторонности байронического героя и высказал мысль о многообразии форм проявления характера: «Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется — но каждый на свой лад <...> (XIII, 573).

Дальнейшее развитие пушкинской концепции реалистического характера отражено в заметке «Table-Talk» (1834), в которой поэт высоко отзывается о Шекспире за то, что его «лица» — «существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразие и многосторонние характеры У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен У Мольера Лицемер волочится за женою своего благодетеля — лицемера; принимает имение под сохранение, лицемера; спрашивает стакан воды, лицемера У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджели лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!» (XII, 160) Поэт говорит не только о различном проявлении одного и того же чувства, но и о сочетании различных, иногда противоречивых, черт в жизненно правдивом характере.

Задолго до того как Пушкин сформулировал свои взгляды, в его художественных произведениях начинаются поиски реалистического метода построения характера. Он находит новые средства типизации действительности, не отбрасывая, а переосмысливая и видоизменяя те художественные приемы, которые характерны для его романтических произведений.

Уже в «Кавказском пленнике» отразилось стремление создать внутренне противоречивый образ. В посвящении поэт писал:

Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей
(IV, 92)

Но страсти Пленника не получили в поэме реалистической мотивировки. И Виноградов не без основания утверждает, что стремление к свободе, разочарование в жизни и несчастная, неразделенная любовь — малосогласованные между собой мотивы².

В романе идея противоречивого характера усложняется тем, что он находится в постоянном развитии. Создавая характер, заключающий в себе сложную гамму чувств, мыслей и настроений, Пушкин четко мотивирует и согласовывает различные черты. Наметив в первой главе противоречивость внутреннего мира Онегина, автор очень тонко подбирает детали, чтобы легкий налет либеральных, прогрессивных идей не вступил в противоречие с привычками и настроениями светского денди, а позднее разочарованного скелтика. В черновиках остаются упоминания о «мужественных спорах» о Мирабо, Мармонтеле, Байроне, Бенжамене Констане, о генерале Жюмини, о гетеристах и карбонариях, хотя обилие вариантов свидетельствует о напряженной работе над этими строками.

Вводя Онегина в круг оживленных революционных ингересов, Пушкин не смог бы, не нарушая внутренней логики развития характера, показать его в следующих главах разочарованным человеком, который, «томясь в бездействии досуга ничем заняться не умел». Поэтому влияние на Онегина настроений, распространенных в кругу передовой молодежи 20-х годов, в романе не акцентировано и отмечено намеками.

Сопоставляя характеристики Пленника и Онегина, Н Бродский справедливо замечает. «Происхождение, образ жизни и душевный мир обоих вскрывают в какой-то мере

² См «Литературное наследство», т 16—18, М, 1934, стр 62

³ Этот этап работы над образом освещен в книге Н Бродского «Евгений Онегин» Роман Пушкина «Просвещение», М, 1964, стр 46—70 См также статью Г Поселова «Евгений Онегин» как реалистический роман» в кн Пушкин Сборник статей Гослитиздат, М, 1941, стр 98—105

единый социальный тип»⁴, и отмечает, что обрисован он «однородными приемами». Однако однородность приемов в романтической поэме и реалистическом романе не исключает их глубокого различия. Существенная разница состоит уже в том, что в романе Пушкин не ограничивается процитированными Н. Бродским сообщениями об особенностях характера героя, а показывает его в действии, в общении с разными людьми, раскрывая одну и ту же черту в различных ситуациях.

При сопоставлении манеры раскрытия внутреннего мира героев поэм и романа обнаруживается опромное принципиальное различие приемов в зародыше и в достижении ими полного развития, тем не менее именно в романтических поэм отчетливо намечена тенденция перехода к реалистическому методу обобщения и отражения действительности.

В эволюции средств художественного воплощения образа современника Пушкина от поэмы «Кавказский пленник» до романа «Евгений Онегин» перед нами открывается сложный процесс формирования реалистических принципов создания характера⁵.

Манера построения характера Пленника позволяет судить о том, каковы были представления поэта о художественном отражении жизненного типа в ранний период творчества⁶.

В поэме автор сосредоточил все внимание на характере Пленника, пренебрегая возможностью усложнить действие, ввести новых героев⁷. Определяющим в методе раскрытия внутреннего мира Пленника является то, что рассказ ведется от его имени, хотя и в третьем лице. Почти все в поэме дано в восприятии героя и окрашено его чувством. Настроения Пленника, смутные мечты и воспоминания о «лучших днях»,

⁴ Н. Бродский. «Евгений Онегин». Роман А. Пушкина, стр. 94—96

⁵ Изучение эволюции мастерства Пушкина в построении характера стало возможным благодаря тому, что многие литературоведы в разных работах освещали приемы построения характера в творчестве писателя. Касаясь уже исследованного вопроса, позволим себе ограничиться ссылкой на известные источники.

⁶ О манере создания характера в поэме «Кавказский пленник» см. в кн. Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М—Л, 1956, стр. 391—404.

⁷ «Черкес, пленивший моего Русского, мог быть любовником < .> издательницы моего героя < .> Мать, отец и брат ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — < .> все эти я пренебрег», — писал Пушкин Н. Гнедичу (XIII, 371).

его признания черкешенке почти исчерпывают средства создания образа.

Выражая недовольство характером, в котором он хотел изобразить отличительные особенности молодежи XIX века, Пушкин заметил: «Конечно, поэму приличнее было бы назвать Черкешенкой» (XIII, 52).

Этим поэт признал, что черкешенка, наделенная чертами, которые не могут не вызвать сочувствие и симпатию читателя, несколько затмевает главного героя. Хотя в романтическом образе Пленника угадываются контуры типичного представителя молодого поколения начала XIX века, он не мог удовлетворить поэта, в эстетических представлениях которого уже формировались новые принципы художественного изображения.

Уже в 1822 году является догадка: «Характер главного лица <...> приличен более роману, нежели поэме <...>». В отрывочных мыслях черновика письма к Н. Гнедичу наметен путь преодоления романтической отвлеченности характера. Поэт исходит из того, что внутренний мир героя необходимо раскрыть так, чтобы читатель не остался равнодушным к его страданиям. «<...> Что за характер? Кого займет изображение молодого человека⁸ <...>, потерявшего <...> чувствительность сердца в каких-то несчастных неизвестных читателю, его бездействие, его равнодушие <...> могут быть очень естественны — но что тут трогательного <...>», — писал Пушкин в этой своеобразной авторецензии. Здесь же вскользь выражено мнение о взаимообусловленности характеров и действия художественного произведения: «Легко было бы оживить рассказ происшествиями, кот.<орые> сами соб.<ой> истекали из предметов» (XIII, 371).

Настроения и переживания Пленника показаны преимущественно в самораскрытии, а не в действиях, конфликтах и обстоятельствах. Позднее Пушкин ценил умение так изображать «лица», чтобы «обстоятельства развивали их разнообразие и многосторонность». По такому принципу он будет строить характер в романе.

В южных поэмах отчетливо отразились разные этапы в осуществлении замысла индивидуализировать образ совре-

⁸ В варианте письма: «Кто будет тронут» (XIII, 371).

менника. Отмечая, что «типическое изображение — это отражение общего в частном», Б. Томашевский писал о «Кавказском пленнике»: «У Пушкина мы наблюдаем в его поэме обратное: освобождение героя от всех черт, которые выходили бы за пределы общих»⁹. Образ Алеко — шаг вперед по пути индивидуализации характера: определеннее становятся упоминания о его прошлом, конкретнее и объективнее выражение чувств. Реакция героя на рассказ цыгана, на измену Земфиры, смысл и интонации его реплик позволяют яснее наметить его индивидуальные черты, чем элегический рассказ Пленника о себе.

Представляя в Онегине типичное явление века, Пушкин придает ему яркое индивидуальное выражение. Характер раскрывается не только в наиболее значительных поступках и мыслях, но в целом комплексе различных проявлений. Привычки, интересы, занятия, симпатии и антипатии, книги, любимые темы разговоров, бытовые подробности, даже такие детали, как манежный хлыст, бильярдный кий, портрет Байрона — все это средства индивидуализации характера.

Критические замечания о поэме «Кавказский пленник» свидетельствуют, что у Пушкина начинает складываться убеждение в необходимости показать характер как следствие влияния общества, которое взрастило его.

В «Кавказском пленнике» конфликт личности и общества только намечен, трагизм положения героя в том, что он — пленник. В «Цыганах» все внимание сосредоточено на внутреннем конфликте личности, обусловленном противоречием между ее стремлениями и усвоенными ею общественными предрассудками. Источник трагизма положения Алеко — в его внутренней противоречивости. Отвергая законы цивилизованного общества и порывая все внешние связи с ним, Алеко в критический момент поступает так, как ему подсказывают понятия того общества, в котором формировался его характер. Эта поэма явилась первой попыткой показать в духовном складе героя результат влияния социальной среды. Автор ограничивается лишь намеками на «неволю душных городов». Жанр романтической поэмы ограничивает возможности автора — в «Цыганах» нет картин общественного быта, нравов, воздействовавших на Алеко, тем не менее в самой основе это-

⁹ Б. Томашевский: Пушкин, кн. 1, стр. 396

го образа лежит идея общественной обусловленности характера

В романе Пушкин рисует широкую картину жизни, знакомя читателей со средой, из которой вышел Онегин, с системой воспитания, общественными интересами, с галереей представителей света и поместного дворянства. Сатиричность, намеченная в лаконичных репликах Алеко («Главы пред идолами клонят»), в романе вырастает в принцип изображения дворянского общества. Намек на обстоятельства, в которых герой «потерял чувствительность сердца», сменяется реалистической картиной общественного быта.

Пушкин-реалист часто обращается к приему косвенной характеристики героя посредством других действующих лиц. В романтических произведениях этот прием имел иное значение, чем в реалистических. Важную роль в поэмах играет излюбленный романтиками контраст действующих лиц — противопоставление ущербного характера цивилизованного человека и идеализированных «детей природы»¹⁰.

В возможности увеличить круг героев в «Кавказском пленнике» Пушкин видел прежде всего средство обогащения произведения событиями и типами. Функция образов родителей черкешенки представлялась поэту, очевидно, такой же, как и функции фигур черкеса и молодого цыгана, необходимых лишь для развития сюжета и создания ситуаций, в которых проявляет себя герой. Группируя действующих лиц вокруг центрального образа, Пушкин намечает в поэмах только внешние связи, почти не используя большие внутренние возможности взаимной характеристики.

В романе автор воссоздает жизненный тип современника таким методом, что для его понимания необходимо определить и психический склад различных представителей его среды. Внутренний мир Онегина проявляется в его отношении к окружающему. Отношение это на разных этапах развития его личности изменяется. Вводя в действие образы, при помощи которых создается картина русской жизни, Пушкин в какой

¹⁰ Мысль, лежащая в основе этого противопоставления, очень тонко воплощена в романе, создавая во многом родственные характеры Онегина и Татьяны, автор подчеркивает духовное богатство героини, выросшей в общении с простым народом, и трагическое одиночество, бесплодность всех начинаний героя, воспитанного светским обществом.

то мере подчиняет их цели раскрытия центрального характера, даже если сюжетно они мало связаны с Онегиным. Характер Онегина показан в различных преломлениях: по-разному его воспринимают Татьяна и Ленский, светское общество и соседи по имению. Это позволяет взглянуть на героя со стороны, глазами его современников, подтвердить или внести новый нюанс в авторскую характеристику и бросить свет на положение героя в обществе.

Совершенно новые особенности приобретает в реалистическом романе прием контраста. Поэт избегает подчеркнутой контрастности героев. «Противуположности характеров вовсе не искусство — но пошлая пружина французских трагедий», — замечает Пушкин на полях статьи Вяземского о сочинениях В. А. Озерова (1826; XII, 232). Не прибегая к прямолинейному противопоставлению разных характеров, Пушкин плодотворно использует контраст среды и героя, отдельных особенностей личности, противоречие между действием и побуждением и т. п. В многогранных характерах главных героев есть и контрастные, и родственные черты. При всем различии мировоззрения, воспитания, настроений Онегина, Татьяны и Ленского они не лишены сходных черт.

Существенно важную роль для понимания онегинского типа играет не только содержание образов окружающих его людей. Поэт заставляет героиню размышлять о внутреннем мире Онегина, отмечая этим сложность и противоречие характера, который не сразу раскрывается даже тем, кто близок ему. Знакомство с обстановкой жизни Онегина, с его книгами возбудило догадки и вопросы, но понять его Татьяна смогла лишь тогда, когда хорошо узнала светское общество, в котором рос Онегин и в котором она сама тщетно искала живое чувство или мысль. Этим еще раз подчеркнута закономерность настроений Онегина и общественная их обусловленность.

Давно отмечено, что в романе позиция автора в отношении к герою иная, чем в поэмах. Выражается это не только в том, что поэт демонстративно отделяет личность автора от героя. Изменение позиции автора влечет за собой изменение всего строя произведения.

Поиски такой манеры изображения, которая обеспечила бы объективное и в то же время углубленно психологическое раскрытие характера, начинается еще в поэмах. В «Кавказском пленнике» объективный наблюдатель самоустраивается

сразу же после экспозиции, и рассказ продолжается от имени Пленника. Этот прием дает возможность полнее раскрыть настроения героя, отраженные им самим.

В «Цыганах» Пушкин старается избежать подчеркнутой субъективности в изображении внутреннего мира героя. О событиях рассказывает автор, авторский текст — своеобразная экспозиция к разным частям произведения, где читатель видит действия Алеко. Здесь, как и в первой поэме, патетические монологи — важное средство психологической характеристики, но признания Алеко подтверждаются его поступками, в то время как лирические излияния Пленника читатель должен принимать на веру. В «Цыганах» поэт отдает предпочтение проявлению характера в действии перед раскрытием его в декламациях.

Опыт работы над поэмами помогает Пушкину в создании романа. Избрав позицию друга героя, автор получает возможность изобразить черты Онегина, обнаруживающиеся в его действиях, доступные постороннему наблюдателю, и рассказать о его сокровенных мыслях и настроениях, избегав обычного для романтического героя высказывания чувств.

Онегин говорит о себе только тогда, когда это обусловлено развитием сюжета, но даже в этом случае автор тщатель но готовит читателя к восприятию признаний Онегина, чтобы монолог героя не вызывал впечатления романтической позы. Монологу в сцене в саду Пушкин предпосылает размышление о хладнокровном разврате светских Ловласов, явно прогнупоставляя им Евгения, напоминает о юности героя, о «бурных заблуждениях» и «необузданных страстях», сообщает, что, познав призрачность любви и дружбы в светском обществе, «утратив жизни лучший цвет», «в красавиц он уж не влюблялся». Поэт избегает того, что считал недостатком «Кавказского пленника»: теперь читателю известны условия жизни Онегина, в которых он «потерял чувствительность сердца». Все это должно раскрыть причины духовной опустошенности героя¹¹. Поведав читателю, что Онегин «живо тронут был» по-

¹¹ Несмотря на строгую мотивированность поведения и высказываний Онегина, именно этот эпизод романа вызвал полемические толки. Некоторые читатели с недоверием отнеслись к «исповеди» Онегина, перенося иронично строки «Так проповедовал Евгений» на весь монолог, хотя автор иронизирует только над новой для Онегина фоллю проповедника добродетели.

сланьем Тани, которое навеяло «сладостный, безгрешный сон» на его душу, что «обмануть он не хотел доверчивость души невинной», автор передает слово герою.

В отступлении, предшествующем монологу, подчеркнуты два главных момента: искренность отношения Онегина к Татьяне и невозможность для него любви в тот период. Именно эти чувства выражает герой в своей «исповеди» и подчеркивает в заключительных словах:

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней. (VI, 79).

Убеждение в необходимости аргументировать интимные признания героя утверждалось постепенно. Не сразу найдена поэтом и нужная художественная форма. В романе мы видим развитие приема, слегка намеченного в «Кавказском пленнике». В монологе Пленника выражены те же мысли, что и в «исповеди» Онегина: «Но поздно, умер я для счастья», «Твоих восторгов я не стою», — говорит он черкешенке. В первой части поэмы находим строки, призванные объяснить его поведение:

Но русской жизни молодой
Давно утратил сладострастье.
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой —
Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать. (IV, 98).

Но поэт-романтик не обладал еще той силой и глубиной изображения характера, которые проявились в романе. В первом своем опыте он ограничился декларативными утверждениями, исходящими от самого героя.

Хотя в «Евгении Онегине» разговоры героев не занимают большого места, приемы характеристики героев посредством монологов и диалогов получают здесь дальнейшее развитие. Поэт все меньше значения придает высказыванию чувств и мыслей, считая более убедительным косвенное отражение характера в речи.

Речь Пленника типична для романтического героя, нередко здесь гиперболизированные эффекты («Мне будет гробом эта степь; Здесь на костях моих изгнанных Заржавит тягост-

ная цепь...» (IV, 108). В «Цыганах», по выражению А. Слонимского, «герои получают выпуклую речевую характеристику, а в романе каждый говорит в резко индивидуальной речевой манере, которая... влечет за собой и определенный строй понятий и представлений»¹².

Эволюция мастерства раскрытия характера в речи героев идет не только путем совершенствования речевой характеристики. Нередко краткий разговор приобретает важное значение для понимания внутреннего мира говорящего благодаря тому, что привлекаются другие образы, уже известные читателю. Примером может служить разговор Онегина и Ленского после визита к Лариным. В шутовском диалоге об Ольге и Татьяне противопоставлены разные характеры говорящих. В натуре скептика Онегина обнаруживается большая глубина, чем в характере его собеседника. Его внимание привлекла не Ольга кукольной красотой, а Татьяна, хотя «Ни красотой сестры своей, Ни свежестью ее румяной Не привлекла б она очей» (VI, 42). Слова Онегина: «Я выбрал бы другую, Когда б я был, как ты поэт» (VI, 53) означают, что он угадал в Татьяне глубокую, поэтическую душу и отдал ей предпочтительнее перед внешней привлекательностью.

Б. Томашевский отметил, что в «Кавказском пленнике» повествование ведется в форме «несобственной прямой речи» «Говоря о Пленнике в третьем лице, поэт в действительности передает восприятия и чувства своего героя»¹³ — пишет исследователь. Такая же манера свойственна тем строкам романа, которые воспринимаются как внутренние монологи героев. Своеобразие внутренних монологов в «Евгении Онегине» заключается в том, что здесь нет четкой грани между речью автора и речью героя. Начальные строфы IV главы, предшествующие объяснению в саду, могут восприниматься как размышления поэта о светских обычаях

Кому не скучно лицемерить,

< >

Кого не утомят угрозы.

Моления, клятвы, мнимый страх,

Записки на шести листах,

Обманы, сплетни, кольца, слезы .. (VI, 75—76)

¹² См. А. Слонимский *Мастерство Пушкина* Гослитиздат, М., 1963. стр. 242—244, 338—347

¹³ Б. Томашевский *Пушкин*, кн. 1, стр. 401.

Но замечая: «Так точно думал мой Онегин», Пушкин подчеркивает, что эти строки отражают не только позицию автора, но и взгляды героя.

По такому же принципу построен монолог Татьяны в VII главе:

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор:
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;..
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветуют даже скучно;
< >
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой!

(VI, 159—160).

Иногда часть такого монолога дана в форме прямой речи. Рассказывая о мыслях Онегина после вызова на дуэль, автор начинает монолог Онегина в третьем лице, а заканчивает его прямой речью:

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.
< >
< > Но теперь
Уж поздно; время улетело..
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист <...>

(VI, 121—122).

А. Цейтлин писал, что беглый анализ характеров Пушкина «с неоспоримостью указывает на непрерывный рост в Пушкине внимания к изображению человеческой психики... в персонажах романтического периода еще много личного, субъективного, автобиографического. Но уже в 20-х годах Пушкин сумел стать на позицию наблюдения своих героев со стороны, на путь объективного художественного творчества»¹⁴.

¹⁴ А. Цейтлин. Мастерство Пушкина. «Советский писатель», М., 1938, стр. 135.

Для зрелого Пушкина характерно изображение психических процессов в их внешнем проявлении. Манера эта формируется постепенно — первые попытки отразить переживания человека, сообщая о его поведении, поэт делает еще в романтических поэмах. При помощи зарисовки «физических движений страстей» Пушкин старается избежать патетических декламаций, объективизировать изображение внутреннего мира героя. Но на раннем этапе развития творчества Пушкина внешнее выражение чувств его героев иногда выливалось в мелодраматическую форму, над этим впоследствии иронизировал сам поэт¹⁵. Наряду с такими описаниями, как страдания Пленника («И даже слезы из очей Однажды градом покатились»; IV, 105) или Гирея («Глядит с безумием вокруг, Бледнеет, будто полный страха»; IV, 162), в поэмах замечна тенденция к более естественному отражению чувств. В заключительной картине «Цыган» Алеко является «с ножом, в руках, окровавленный», но в выражении переживаний героя автор уже более сдержан:

Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился. (IV, 201).

На примерах романтических поэм можно проследить совершенствование мастерства изображения психологии человека. Замысел показать в действиях, жестах и деталях внешности отчаяние героя, потерявшего любимую, впервые осуществлен в «Руслане и Людмиле»:

Встает испуганный жених,
С лица катится пот остывший;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О, горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой <...> (IV, 9).

В «Цыганах» поэт возвращается к тем же образам:

Он с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;

¹⁵ «Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама» (IX, 145).

Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Все тихо — страх его объемлет —
По нем текут и жар и хлад <...> (IV, 198).

В общих чертах поведение, движения, жесты Руслана и Алеко очень сходны: оба трепещут, встают, простирают руки, хватают воздух (покровы). В первой поэме Пушкин ограничивается изображением видимых деталей, дополняя картину омятения Руслана восклицанием, выражающим сущность его страдания. А в «Цыганах» автор прибегает к сочетанию изображения жестов с замечаниями о моральном состоянии героя, открывая новые возможности развития психологического анализа. Портретные детали — «встает испуганный жених», «с лица катится пот остылый» — утрачивают характер портретности и звучат как непосредственное сообщение о чувствах Алеко: «страх его объемлет», «по нем текут и жар и хлад». Естественнее и выразительнее становятся жесты героев. Намек на взволнованность Руслана («хладною рукой он вопрошает...») в новой поэме уступает место конкретным замечаниям о нюансах той бури чувств, которая разыгрывается в душе Алеко («ревниво руку простирает, но обробелая рука...»).

Сопоставление родственных отрывков разных поэм обнаруживает пути совершенствования психологической характеристики героев в творчестве Пушкина.

Эволюция приема раскрытия внутреннего мира человека во внешнем проявлении продолжается в романе «Евгений Онегин». Краткими сообщениями о поведении Онегина, о его движениях, жестах, чувствах автор раскрывает настроение Онегина после рокового выстрела:

Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
< >
В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
< >

Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит...

Поэт не может полнее сказать о переживаниях героя, не рискуя впасть в мелодраматизм. Он обращается к фантазии читателя, предлагая ему представить себя на месте Онегина.

Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой,
< >
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв? (VI, 131—132).

Автор эмоционально относится к герою и находит способы влияния на восприятие его образа читателем. Различными средствами он подчеркивает, что Онегин — не только источник страданий для других, но и глубоко страдающая личность, ставшая жертвой общественного устройства. Пушкин старается смягчить впечатление от дурных поступков Евгения и вызвать сочувствие к нему даже в сцене дуэли. Эта цель преследуется и упомянутым выше обращением к читателю и снижением образа Ленского в размышлении о нем. Начав задушевным: «друзья мои, вам жаль поэта», автор кончает ироническим изображением возможной его судьбы среди «детей, плаксивых баб и лекарей» (см. VI, 132—134). Заканчивая рассказ о самом жестоком поступке Онегина и не оправдывая его, автор демонстративно заявляет: «...я сердечно Люблю героя моего...» (VI, 135).

Для психологической характеристики Онегина очень важны лирические отступления, в которых отражена эволюция самого поэта. Отказавшись от формы лирического признания героя, которое не всегда выглядело убедительно и могло казаться позерством, Пушкин находит иной способ непосредственного раскрытия чувств. В задушевной беседе с читателем он говорит о себе, о своих переживаниях, которые в чем-то созвучны чувствам Онегина. Автор — современник и друг ге-

роя, хотя это совсем разные люди, у них много общего¹⁶. Духовный мир поэта несравненно богаче, чем его отражение в романе. Говоря о своих мечтах и настроениях, вспоминая о прошлом, задумываясь о будущем, автор акцентирует внимание на тех чувствах, которые помогают яснее представить психологию Онегина.

Рассказывая о своих желаниях, надеждах, разочарованиях, автор предоставляет читателю самому сделать вывод о скрытых от постороннего наблюдателя чувствах Онегина. Каждый сколько-нибудь значительный эпизод из его жизни сопровождается лирическими размышлениями, косвенно характеризующими состояние героя. Поэтому тон лирических признаний изменяется по мере того, как герой вступает в новую стадию развития.

Картина светских развлечений Евгения вызвала воспоминания поэта о его молодости («Во дни веселий и желаний я был от балов без ума»; VI, 17). Онегин оставил светские забавы — поэт замечает: «Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время» (VI, 23). Грустными размышлениями о жизни заканчивается глава о гибели Ленского («Познал я глас иных желаний, Познал я новую печаль»; VI, 135) и начинается следующая («Как грустно мне твое явленье, Весна, весна! пора любви!»; VI, 139). И уже совершенно трагическим чувством проникнута одиннадцатая строфа заключительной главы («Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана»). Поэт признает, что «несносно идти за чинною толпой», «не разделяя с ней ни общих мнений, ни страстей» (VI, 169—170). Эти строки вызваны размышлениями об Онегине, чуждом светскому обществу. Лирические признания автора глубже раскрывают трагизм положения героя.

Считая описание обстановки, в которой происходит действие «Кавказского пленника», наиболее удачной частью поэмы, Пушкин выразил неудовлетворение тем, что «описание нравов черкесских <...> не связано ни с каким происшествием и [есть] ничто иное, как географическая статья или отчет» <...> (XIII, 271). Но в поэме заметно стремление привлечь картины природы для характеристики героя. После подробного «геогра-

¹⁶ См. И. М. Семенко О роли образа «автора» в «Евгении Онегине» — Груды Ленинградского библиотечного института им Н. К. Крупской, т. 2. Л., 1957

фического» описания панорамы, открывшейся взору Пленника, поэт сообщает, что он «бури немощному вою с какой-то радостью внимал» (IV, 99).

Психологическая функция пейзажа в «Евгении Онегине» широка и разнообразна¹⁷. Обычно природа и восприятие ее героями романа оттеняет, подтверждает те особенности характеров, которые явились следствием воспитания и раскрыты уже иными средствами.

Эффективности приемов характеристики внутреннего мира человека при помощи пейзажных зарисовок Пушкин достигает, подчеркивая различное отношение героев к природе Онегина не волнует вид живописной местности:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
< >
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон... (VI, 27—28).

Высокое поэтическое чувство недоступно герою.

Но зато в строках, посвященных Татьяне, картины природы усиливают представление о духовном богатстве героини, о поэтичности ее натуры:

Ее прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Остановляют поневоле
Татьяну прелестью своей. (VI, 151).

Различие характеров отмечается не только сообщением об отношении героев к природе. Изменяется сама манера описания пейзажей в зависимости от настроений действующих лиц. Родственные пейзажи по-разному изображены поэтом в отношении к Онегину и Татьяне. Рассказывая о Татьяне, поэт рисует поэтичные картины русской зимы, проникнутые то радостным настроением, то грустью¹⁸. Онегин чужд веселым зимним народным забавам, не радуют его и пейзажи, зима нару-

¹⁷ О функции пейзажа в романе см. в статье И. Дегтеревского «Пейзаж в «Евгении Онегине» — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. Потемкина, т. 43, кафедра русской литературы, вып. 4, 1954

¹⁸ См. гл. 5, строфы I—IX и гл. 7, строфа XXX.

шила привычное течение жизни. Для него началась «довольно скучная пора», деревня докучает его взору «однообразной шапотой»¹⁹.

Весь эмоциональный тон описаний природы, даже звучание стиха различны в отрывках, где зима изображена в связи с бытом Татьяны и Онегина²⁰.

В романе, как и в поэмах, Пушкин очень скупо пользуется приемом портретной характеристики главных героев. Он пренебрегает законченностью портрета, ограничиваясь замечаниями, дающими представление об интересах и образе жизни героя («как dandy лондонский одет», «острижен по последней моде»; VI, 6) или о его чувствах («взор его очей был чудно нежен»; VI, 112). Роль портретных деталей в раскрытии характера возрастает в пушкинской прозе.

Совершенство мастерства построения характера, Пушкин переосмысливает, усложняет, придает более глубокое содержание тем приемам обрисовки персонажей, которые начали складываться еще в романтический период. Все это убеждает в том, что между романтизмом и реализмом нет непроходимой пропасти, что это не исключают друг друга методы, хотя различие между ними очень существенно.

В процессе перехода к новому методу изменяются не только отдельные творческие приемы — перестраивается вся художественная система воспроизведения типичных явлений жизни, нарушается автономия художественных средств, усиливается их взаимообусловленность и взаимопроникновение. Каждая грань характера в романе раскрывается в разных ситуациях, различными приемами, приобретая таким образом большую убедительность.

Эволюция принципов создания реалистического характера:

¹⁹ См.: гл. 4, строфы XXXVIII—XLIII.

²⁰ Ср. радостный колорит картины русской зимы, которую наблюдает Татьяна:

Зима!.. Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь <...>
(VI, 90),

и проникнутое мрачным чувством описание приближения зимы и главе, где речь идет о жизни Онегина:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С ювоей волчихой голодной
Выходит на дорогу волк.
(VI, 90)

продолжается в прозаических произведениях²¹. В повестях отразилось более глубокое понимание жизненно правдивого характера. В 30-е годы Пушкин создает многогранные, но цельные образы, в то время как в романтических поэмах и в реалистическом романе «многогранность» характера выразилась в его внутренней противоречивости.

В прозе продолжают поиски наиболее экономных и эффективных средств раскрытия характера. Существенно меняется позиция автора, рассказчика, а это влечет за собой развитие методов психологической характеристики²².

Переход на новые творческие позиции в эстетическом развитии Пушкина обусловлен прежде всего его идейным ростом. Совершенствование принципов построения характера — это лишь видимый результат сложной эволюции мировоззрения поэта.

²¹ См.: Н. Степанов. Изображение характеров в прозе Пушкина — «Русская литература», 1961, № 1, стр. 3—24.

²² Исследование развития реалистической концепции характера в прозе Пушкина поможет выяснить вопрос о природе реализма романа «Евгений Онегин», где еще явственно чувствуется связь с романтическим методом.

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. СТУЧКИ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 106

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Рига 1968